

Обращения по поводу материальной помощи в той или иной форме особенно характерны для второй половины 1950-х гг. В конце 1957 г. в один из сельских райисполкомов Ставропольского края поступило заявление крестьянки с просьбой освободить ее от сельхозналога [1, с. 463]. В январе 1958 г. было принято положительное решение. Причина этому – социальный статус заявительницы, а уж потом ее материальное положение. Она вдова погибшего на фронте. Ее сын на тот момент служил в армии, а дочь училась в техникуме. Отсутствие подсобного хозяйства и разваленная хата были вторичными предпосылками.

Особого аналитического разбора требуют прямые жалобы во власть, которые отражают и судьбы отдельных людей, и их встроенность (или невстроенность) в политические, материальные и социальные реалии времени, и конкретную действительность местного сообщества, и меркантильный интерес. Примером этому может служить объемная жалоба горожан о нарушениях торговли в Ставропольском универмаге [1, с. 468–470]. Здесь мы находим и особенности потребления в советском обществе, и свидетельства дефицита промышленных товаров. Однако в таких жалобах много опосредованной информации, связанной с природой «блата» и одновременно с ростом материального благосостояния граждан в эти годы, и с тягой семей учить своих детей музыке не только в среде элиты, но и, к примеру, у бурильщика. Интересно, что жалоба пошла в разные инстанции, и нерадивые и грубые работники были наказаны.

Подводя итоги анализа обращений во власть, необходимо отметить многообразие этих источников, связанное с разнообразием мотивов, а значит, и социальных функций данных документов. Следует также в полной мере оценить значимость подобных источников для исследований не только по истории повседневности, но и по исторической антропологии, интеллектуальной истории, социальной и новой локальной истории.

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах : сб. док. / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2011. – 696 с.
2. Источниковедение : учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко, Е.Н. Швейковская ; отв. ред. М.Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685, [3] с.
3. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. Т.А. Булыгина. – Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2005 – 608 с.

Никитина Н.Ю.

КНИГА ПРИКАЗОВ ДАУГАВПИЛССКОГО ТЕХНИКУМА ЛАТВИЙСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (1944–1945 гг.) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Первостепенной задачей любого историка является отбор источников, которые он может использовать в своей работе. Иногда исследователю приходится пересмотреть горы архивных материалов, чтобы по крупницам собрать необходимую ему информацию. Ведь как отмечает исследователь А.К. Соколов: «Большинство материалов, которые поступают в архивы, представляют собой заботу государства о самом себе, о своей истории, а не историю общества, в котором мы живём, и историк, обращаясь к ним, зачастую оказывается в роли чужака в чужой стране» [3, с. 65]. В данной ситуации большой удачей для исследователя является нахождение источника, обладающего высокой информационной насыщенностью. В этой связи необходимо отметить, что вопрос об извлечении максимального объёма информации из исторического источника, особенно актуален в современном источниковедении [1, 2].

Среди разнообразных исторических источников был выделен один – книга приказов Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги 1944–1945 гг. – с целью определить его информационный потенциал.

На сегодняшний день техникум – второе по величине профессиональное учебное заведение в Латвии – выпускает специалистов как для железной дороги, так и для других сфер экономики. О значимости этого учебного заведения свидетельствует тот факт, что, какие бы политические катаклизмы не происходили в Латвии, техникум вот уже на протяжении почти ста лет продолжает свою работу. Техникум подготавливал специалистов и в годы немецкой оккупации [5]. История техникума до сего дня оставалась вне сферы интересов историков. Работа по реконструкции истории техникума этого периода предполагает обращение к архивным материалам, значимое место среди них занимает книга приказов 1944–1945 гг. Архивное дело находится в

структурном подразделении Национального архива Латвии – Даугавпилсском зональном государственном архиве [6].

Данный источник представляет собой книгу регистрации учащихся 1939 года, вероятно, оставшуюся от довоенного техникума. Об этом можно судить по надписи в нижнем углу книги, по нумерации страниц. О том, что книга принадлежала техникуму времени независимой Латвии, свидетельствует тот факт, что первые страницы книги были вырваны и нумерацию начали вести сначала, в графах книги все надписи на латышском языке, что было исключено в советское время и во время немецкой оккупации, надпись в углу книги свидетельствует о том, что она была напечатана в железнодорожной типографии. В книге 41 лист, все листы пронумерованы. Текст написан от руки, разными чернилами, иногда карандашом, при этом текст приказов написан разными почерками, в то время как подпись директора – это один и тот же почерк на протяжении всего времени ведения журнала. Имеются в книге и подписи людей, ознакомленных с содержанием приказа.

Первый приказ от 23 сентября 1944 года: «С сего числа приступаю к исполнению обязанностей начальника Даугавпилсского техникума Латвийской железной дороги на основании приказа НКПС № 431 с 12 сентября 1944 года». Подпись: «Инженер Желдаков» [6, с. 1]. На основании данного приказа можно сделать вывод, что в данный момент техникум находится в ведении Народного комиссариата путей сообщения. О необходимости техникума свидетельствует дата приказа. 27 июля Даугавпилс был освобожден от немецкой оккупации [4, с. 95], а уже 12 сентября в Народном комиссариате путей сообщения принимается решение о восстановлении работы учебного заведения, которое будет подготавливать кадры для Латвийской железной дороги.

Всего в книге 162 приказа, анализ которых позволяет получить прямую и косвенную информацию о работе техникума. Первая группа приказов затрагивает вопросы приёма на работу и увольнения – это самая многочисленная группа – 75 приказов.

К этой группе относятся приказы, утверждающие «штат административно-обслуживающего персонала» [6, с. 1]. В штат сотрудников принимаются слесарь, сторож, столяр, уборщицы, истопник, стекольщик, «мурниек» (латышский, каменщик), позже делопроизводитель, библиотекари [6, с. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12]. Упоминание в приказе работников данных специальностей позволяет предположить, что была необходимость восстанавливать и здания техникума, разрушенные во время войны. Подтверждения этому будут найдены в более позднем приказе 1945 г.: «Войной немецкие захватчики вывели из строя Даугавпилсский техникум: разорили прекрасные кабинеты, вывезли оборудование, уничтожили производственные кабинеты [6, с. 37]. Это косвенно свидетельствует и о стратегическом значении работы техникума. К данной группе относятся и приказы о приёме на работу преподавательского состава техникума [6, с. 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 13]. Данные приказы позволяют сделать вывод об учебной программе, в которую входили такие общеобразовательные предметы, как русский язык, математика, физика, химия, история народов СССР, черчение, латышский язык, немецкий язык, военное дело. Кроме общеобразовательных в учебную программу техникума входили и предметы по специальности: токарное и слесарное дело, организация грузовых и пассажирских перевозок, столярное дело, общий курс железной дороги и другие предметы. Большая часть приказов о приёме на работу датируются 1944 г.

Из всех приказов о принятии на работу преподавателей общеобразовательных и специальных предметов два приказа обращают на себя особое внимание. Вероятно, была проблема найти преподавателя латышского языка, потому что приказом от 1 ноября 1944 г. преподавателем латышского языка принимается студент этого техникума Петкевич Пётр Станиславович [6, с. 6]. Объяснения этому могут быть различными, а именно: репрессии 1940 г., нежелание латышской сотрудничать с советской властью, незначительная численность латышского населения в городе или тот факт, что война не закончилась и многие ещё были на фронте. Как бы то ни было, чтобы начать учебный процесс и обеспечить преподавание, руководство техникума вынуждено было назначить на должность преподавателя латышского языка молодого человека, вероятно, не имеющего на тот момент даже соответствующего образования.

Второй приказ касается преподавателя немецкого языка Шлижа Георга Адольфовича. Его единственного принимают на работу с испытательным сроком на месяц [6, с. 6]. Позже другим приказом преподавателя Шлижа увольняют «за систематические опоздания и пропуск двух уроков» [6, с. 16]. Причиной увольнения могла стать как политика советской власти по отношению к этническим немцам, так и личная неблагонадёжность данного преподавателя в глазах администрации техникума.

Вторую группу приказов составляют приказы, касающиеся внутреннего распорядка жизни техникума. Таких приказов – 65. Наименее информативно насыщены, на наш взгляд, приказы о предоставлении отпусков, датируемые 1945 г., а также приказы об отчислении учащихся в связи с длительной болезнью, материальным положением, в связи с переходом в высшее учебное заведение и т.д.) В свою очередь наибольший интерес представляют приказы, посвящённые организации учебного процесса, который начинался с 10 октября, с создания комиссии «приёмных испытаний» [6, с. 3]. Будущие студенты должны были пройти два «испытания» – по русскому языку и математике. 18 октября 1944 г. в техникум было зачислено 250 учащихся, из них на 2 курс было принято 45 учащихся, 90 – на первый, 115 человек – на подготовительный курс [6, с. 4]. Учебная программа была рассчитана на четыре года (первый год – подготовительный – и три основных). В документах нет свидетельств, почему 45 учащихся были приняты сразу на второй курс. Возраст этих учащихся немного старше, чем учащихся подготовительного курса [6, с. 4]. Возможно, они учились в техникуме и в годы войны или до войны или результаты их приёмных испытаний были выше, чем у других учащихся техникума. Однако для подтверждения данных предположений необходим поиск и анализ других источников. На основании приказа о зачислении в техникум можно судить и о национальном составе учащихся. В приказе упоминаются представители таких национальностей, как русские, латыши, поляки, белорусы, несколько студентов литовской национальности, один татарин. Такой многонациональный состав студентов техникума, предположительно, объясняется тем, что Даугавпилс всегда был многонациональным городом, при этом никаких ограничений на поступление в техникум для каких-либо национальностей, вероятно, не было. В связи с этим открытым остаётся вопрос о том, откуда приходили учиться в Даугавпилсский техникум. Всего было сформировано 8 групп учащихся: 2 группы второго курса, 3 группы – первого, 3 группы – подготовительного курса. В каждую группу был назначен классный руководитель.

В 1944 г. население Даугавпилса было около 15 тысяч человек [4], поэтому количество желающих учиться в техникуме свидетельствует о том, что железная дорога в то время, вероятно, давала необходимые социальные гарантии, как-то возможность работы, хорошей заработной платы, что и привлекало молодых людей для обучения в техникуме.

У нас нет сведений о том, была ли дифференцирована по специальностям учебная программа в первый год работы техникума, но, уже начиная со второго учебного года, учащиеся первого курса могли поступить в техникум для обучения таким специальностям, как «Паровозное хозяйство» и «Движение и грузовая работа» [6, с. 53].

В третью группу вошли приказы, касающиеся вопросов дисциплины. Таких приказов – 25. Информации о том, что техникум был военным учебным заведением, нет, но об особом статусе техникума говорит тот факт, что в одном из приказов дисциплинарного характера директор называет техникум «военнообразованным» [6, с. 9]. Возможно, это предполагало особые правила внутреннего распорядка для учащихся. Реконструировать этот аспект деятельности техникума можно было на основе дисциплинарного устава, существующего в техникуме, но текст устава не сохранился [6, с. 17]. Дисциплина в техникуме была практически военной. Так, приказом от 2 декабря 1944 года 10 студентов техникума отчислены в связи с плохой посещаемостью, при этом начальник учебной части получил выговор, так как допустил «халатные упущения» по вопросам посещаемости [6, с. 10]. Студенты призывного возраста сразу же передавались в военкомат и, скорее всего, в дальнейшем они отправлялись на фронт. Надо отметить, что приказов об отчислении было немало [6, с. 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 23], что свидетельствует о строжайшей дисциплине, которая была установлена в техникуме. Приказы об отчислении относятся к 1944 и началу 1945 года.

В приказах 1945 г. в качестве меры наказания применяются также работа в подсобном хозяйстве или арест на несколько суток. В данном историческом источнике нет сведений, где должен был в это время находиться наказуемый, каковы условия его содержания. В приказе № 62 от 4 апреля 1945 года перечислены все случаи дисциплинарного наказания: «Учащемуся, пропустившему учебные занятия без уважительных причин один раз, объявляется в приказе строгий выговор. Учащемуся, пропустившему учебные занятия без уважительной причины два раза, объявляется строгий выговор с предупреждением об исключении. Учащийся, пропустивший занятия без уважительной причины три раза, исключается из техникума с передачей документов в военкомат. В отдельных случаях студентов, пропустивших занятия без уважительных

причин, подвергать аресту в соответствии с дисциплинарным уставом» [6, с. 17]. При этом опоздание на урок также считается пропуском без уважительной причины, следовательно, опоздавший также подвергался наказанию.

Арест применялся также и по отношению к работникам техникума. Так, согласно приказу от 5 апреля 1945 г. за неявку на работу 2 / Ш-45 г. без уважительных на то причин подлежали аресту на 5 суток с исполнением служебных обязанностей Давидович Г.И., Берзак А.Г. Заслуживает внимания то, что между проступком и объявлением приказа, прошло больше месяца. При этом необходимо вспомнить, что учитель немецкого языка Г.А. Шлиж в подобной ситуации был уволен. Ответ на вопрос, почему наказание было применено только через месяц после проступка, требует исследования других источников информации.

Строгая дисциплина техникума могла быть объяснима тем, что война ещё не закончилась. Но ужесточение дисциплины в техникуме начинается в той ситуации, когда исход войны абсолютно ясен. Для того, чтобы сделать выводы о том, было ли это следствием ужесточения политики советской власти, необходимо изучение и других источников.

Обращает внимание и тот факт, что с мая 1945 г. меняется звание директора. До 22 мая 1945 г. под всеми приказами стоит подпись «инженер Желдаков». 22 мая 1945 г. и в последующих приказах звание директора техникума меняется «инженер-майор тяги Желдаков» [6, с. 30]. Выводы о подобных изменениях можно будет сделать только после изучения дополнительных источников.

Ещё один приказ вызывает вопросы у исследователя. Приказ от 8 октября 1945 г об отчислении студентов техникума Коледу Михаила Игнатьевича и Аболиня Арнольда Николаевича, при этом дело по умышленному укрывательству этих студентов «по документам техникума передать следственным органам» [6, с.33]. В книгу приказ был вклеен позже поверх приказа об отпуске одного из сотрудников техникума. Почему этот приказ об укрывательстве был так важен, о каком укрывательстве идёт речь, ответы на эти вопросы требуют изучения дополнительных источников информации.

Таким образом, книга приказов позволяет реконструировать историю техникума в 1944–1945 гг. Благодаря данному источнику можно сделать выводы об учебной программе техникума, о количестве учащихся, их возрастном и национальном составе, об условиях восстановления, о дисциплине, которая царил в техникуме. Но в то же время исследование данного источника поднимает круг вопросов для дальнейшего изучения, в том числе, почему изменяется звание директора техникума в 1945 году, о каком укрывательстве идёт речь в приказе об отчислении студентов техникума, а также что же стало причиной ужесточения дисциплины в техникуме в 1945 г.

1. Варфоломеев, А.Г. Компьютерное источниковедение. Семантическое связывание информации в репрезентации и критике исторических источников / А.Г. Варфоломеев, А.С. Иванов. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 202 с.
2. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
3. Соколов, А.К. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. – М. : Высшая школа, 2004. – 687 с.
4. Genovefa Barkovska, Josifs Šteimanis Daugavpils vēstures lappuses. – Rēzekne : Latgales kultūras centra izdevniecība, 2005. – 278 с.
5. Ka darbojas Daugavpils Valsts dzelzceļu tehniskā vidusskola? [Electronic resource] // Satiksme un Tehnika. – № 7. – Mode of access: <http://periodika.lv/periodika2-viewer/view/index>. – Date of access: 28.02.2017.
6. Latvijas Nacionālā arhīva Daugavpils Zonālais valsts arhīvs (LNA DZVA). – 989.f. (Latgales transporta un sakaru tehniskā skola), 1. apr., 2.l.

Моторова Л.А.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ БЕЛАРУСИ (1945–1961 гг.)

Первую группу источников по изучаемой проблеме составляют различные официальные документы центральных (ЦК КПСС и Совета Министров СССР) [1, 2] и республиканских (ЦК КПБ и Совета Министров) [3, 4] партийно-государственных органов власти о политике в области образования, развитии высшей школы, её организационной структуре и содержании учебно-воспитательного процесса, изданные в 1940-е – начале 1960-х гг.

Значительную роль для проведения исследований по данной проблематике имеет также изучение в качестве одного из источников вышедших в 50–60-е гг. XX в. «Учёных записок» и сборников научных трудов Белорусского государственного университета и педагогических ин-